

Слонёнок

Редьярд Джозеф Киплинг

Аннотация

Сказка Р. Киплинга в переводе К. И. Чуковского. Стихи в переводе С. Я. Маршака. Рисунки В. Дувидова.

Редьярд Джозеф Киплинг Слонёнок

Это только теперь, милый мой мальчик, у Слона есть хобот. А прежде, давным-давно, никакого хобота не было у Слона. Был только нос, вроде как лепёшка, чёрненький и величиною с башмак. Этот нос болтался во все стороны, но всё же никуда не годился: разве можно таким носом поднять что-нибудь с земли?

Но вот в то самое время, давным-давно, жил один такой Слон, или, лучше сказать, Слонёнок, который был страшно любопытен, и кого бывало ни увидит, ко всем пристаёт с расспросами. Жил он в Африке, и ко всей Африке приставал он с расспросами.

Он приставал к Страусихе, своей долговязой тётке, и спрашивал её, отчего у неё на хвосте перья растут так, а не этак, и долговязая тётка Страусиха давала ему за то тумака своей твёрдой-претвёрдой ногой.

Он приставал к своему длинноногому дяде Жирафу и спрашивал его, отчего у него на шкуре пятна, и длинноногий дядя Жираф давал ему за то тумака своим твёрдым-претвёрдым копытом.

Но и это не отбивало у него любопытства.

И он спрашивал свою толстую тётку Бегемотиху, отчего у неё такие красные глазки, и толстая тётка Бегемотиха давала ему за то тумака своим толстым-претолстым копытом.

Но и это не отбивало у него любопытства.

Он спрашивал своего волосатого дядю Павлиана, почему все дыни такие сладкие, и волосатый дядя Павлиан давал ему за то тумака своей мохнатой, волосатой лапой.

Но и это не отбивало у него любопытства.

Что бы он ни увидел, что бы ни услышал, что бы ни понюхал, до чего бы ни дотронулся, — он тотчас же спрашивал обо всём и тотчас же получал тумаки от всех своих дядей и тёток.

Но и это не отбивало у него любопытства.

И случилось так, что в одно прекрасное утро, незадолго до равноденствия, этот самый Сло-нёнок – надоеда и приставала – спросил об одной такой вещи, о которой он ещё никогда не спрашивал. Он спросил:

– Что кушает за обедом Крокодил?

Все испуганно и громко закричали:

– Тс-с-с-с!

И тотчас же, без дальних слов, стали сыпать на него тумаки.

Били его долго, без передышки, но, когда кончили бить, он сейчас же подбежал к птичке Коло-коло, сидевшей в колючем терновнике, и сказал:

– Мой отец колотил меня, и моя мать колотила меня, и все мои тётки колотили меня, и все мои дяди колотили меня за несносное моё любопытство, и всё же мне страшно хотелось бы знать, что кушает за обедом Крокодил?

И сказала птичка Колоколо печальным и громким голосом:

– Ступай к берегу сонной, зловонной, мутно-зелёной реки Лимпопо; берега её покрыты деревьями, которые нагоняют на всех лихорадку. Там ты узнаешь всё.

На следующее утро, когда от равноденствия уже ничего не осталось, этот любопытный Сло-нёнок набрал бананов – целых сто фунтов! – и сахарного тростнику – тоже сто фунтов! – и семна-дцать зеленоватых дынь, из тех, что хрустят на зубах, взвалил всё это на плечи и, пожелав своим милым родичам счастливо оставаться, отправился в путь.

– Прощайте! – сказал он им. – Я иду к сонной, зловонной, мутно-зелёной реке Лимпопо; берега её покрыты деревьями, которые нагоняют на всех лихорадку, и там я во что бы то ни стало узнаю, что кушает за обедом Крокодил.

И родичи ещё раз хорошенько вздули его на прощанье, хотя он чрезвычайно учтиво просил их не беспокоиться.

И он ушёл от них, слегка потрёпанный, но не очень удивлённый. Ел по дороге дыни, а корки бросал на землю, так как подбирать эти корки ему было нечем. Из города Грэма он пошёл в Ким-берлей, из Кимберлея в Хамову землю, из Хамовой земли на восток и на север и всю дорогу угощался дынями, покуда наконец не пришёл к сонной, зловонной, мутно-зелёной реке Лимпопо, окружённой как раз такими деревьями, о каких говорила ему птичка Колоколо.

А надо тебе знать, мой милый мальчик, что до той самой недели, до того самого дня, до того самого часа, до той самой минуты наш любопытный Сло-нёнок никогда не видал Крокодила и да-же не знал, что это такое. Представь же себе его любопытство!

Первое, что бросилось ему в глаза, – был Двуцветный Питон, Скалистый Змей, обвившийся вокруг какой-то скалы.

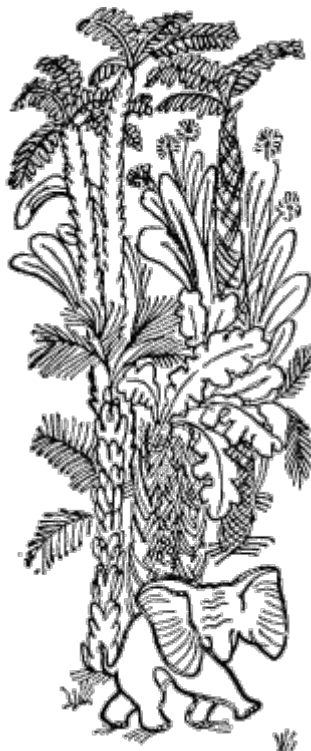
– Извините, пожалуйста! – сказал Сло-нёнок чрезвычайно учтиво. – Не встречался ли вам где-нибудь поблизости Крокодил? Здесь так легко заблудиться.

– Не встречался ли мне Крокодил? – презрительно переспросил Двуцветный Питон, Скалистый Змей. – Нашёл о чём спрашивать!

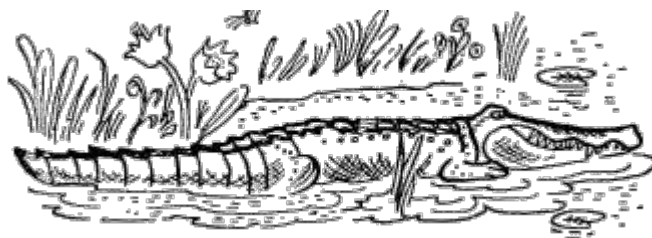
– Извините, пожалуйста! – продолжал Слонёнок. – Не можете ли вы сообщить мне, что кушает Крокодил за обедом?

Тут Двуцветный Питон, Скалистый Змей, не мог уже больше удержаться, быстро развернулся и огромным хвостом дал Слонёнку тумака. А хвост у него был как молотильный цеп и весь покрыт чешуёю.

– Вот чудеса! – сказал Слонёнок. – Мало того, что мой отец колотил меня, и моя мать колотила меня, и мой дядя колотил меня, и моя тетка колотила меня, и другой мой дядя, Павлиан, колотил меня, и другая моя тётка, Бегемотиха, колотила меня, и все как есть колотили меня за ужасное моё любопытство, – здесь, как я вижу, начинается та же история.

И он очень учтиво попрощался с Двуцветным Питоном, Скалистым Змеем, помог ему опять обмотаться вокруг скалы и пошёл себе дальше; его порядком потрепали, но он не очень дивился этому, а снова взялся за дыни и снова бросал корки на землю – потому что, повторяю, чем бы он стал поднимать их? – и скоро набрёл на какое-то бревно, валявшееся у самого берега сонной, зловонной, мутно-зелёной реки Лимпопо, окружённой деревьями, нагоняющими на всех лихорадку.

Но на самом деле, мой милый мальчик, это было не бревно, это был Крокодил. И подмигнул Крокодил одним глазом – вот так!

– Извините, пожалуйста! – обратился к нему Слонёнок чрезвычайно учтиво. – Не случилось ли вам встретить где-нибудь поблизости в этих местах Крокодила?

Крокодил подмигнул другим глазом и высунул наполовину свой хвост из воды. Слонёнок (опять-таки очень учтиво!) отступил назад, потому что ему не хотелось получить нового тумака.

– Подойди-ка сюда, моя крошка! – сказал Крокодил. – Тебе, собственно, зачем это надобно?

– Извините, пожалуйста! – сказал Слонёнок чрезвычайно учтиво. – Мой отец колотил меня,

и моя мать колотила меня, моя долговязая тётка Страусиха колотила меня, и мой длинноногий дядя Жираф колотил меня, моя другая тётка, толстая Бегемотиха, колотила меня, и другой мой дядя, мохнатый Павлин, колотил меня, и Питон Двухцветный, Скалистый Змей, вот только что колотил меня больно-пребольно, и теперь – не во гнев будь вам сказано – я не хотел бы, чтобы меня колотили опять.

– Подойди сюда, моя крошка, – сказал Крокодил, – потому что я и есть Крокодил.

И он стал проливать крокодиловы слёзы, чтобы показать, что он и вправду Крокодил.

Слонёнок ужасно обрадовался. У него захватило дух, он упал на колени и крикнул:

– Вас-то мне и нужно! Я столько дней разыскиваю вас! Скажите мне, пожалуйста, скорее, что кушаете вы за обедом?

– Подойди поближе, я шепну тебе на ушко.

Слонёнок нагнул голову близко-близко к зубастой, клыкастой крокодиловой пасти, и Крокодил схватил его за маленький носик, который до этой самой недели, до этого самого дня, до этого самого часа, до этой самой минуты был ничуть не больше башмака.

– Мне кажется, – сказал Крокодил, и сказал сквозь зубы, вот так, – мне кажется, что сегодня на первое блюдо у меня будет Слонёнок.

Слонёнку, мой милый мальчик, это страшно не понравилось, и он проговорил через нос:

– Пусдите беда, бде очедь больдо! (Пустите меня, мне очень больно!)

Тут Двухцветный Питон, Скалистый Змей, приблизился к нему и сказал:

– Если ты, о мой юный друг, тотчас же не отпрянешь назад, сколько хватит у тебя твоей силы, то моё мнение таково, что не успеешь ты сказать «раз, два, три!», как вследствие твоего разговора с этим кожаным мешком (так он величал Крокодила) ты попадёшь туда, в ту прозрачную водяную струю...

Двухцветные Питоны, Скалистые Змеи, всегда говорят вот так.

Слонёнок сел на задние ножки и стал тянуть назад. Он тянул, и тянул, и тянул, и нос у него начал вытягиваться. А Крокодил отступил подальше в воду, вспенил её, как сбитые сливки, тяжёлыми ударами хвоста, и тоже тянул, и тянул, и тянул.

И нос у Слонёнка вытягивался, и Слонёнок растопырил все четыре ноги, такие крошечные слоновьи ножки, и тянул, и тянул, и тянул, и нос у него всё вытягивался. А Крокодил бил хвостом, как веслом, и тоже тянул, и тянул, и чем больше он тянул, тем длиннее вытягивался нос у Слонёнка, и больно было этому носу у-ж-ж-жас-но!

И вдруг Слонёнок почувствовал, что ножки его заскользили по земле, и он вскрикнул через нос, который сделался у него чуть не в пять футов длиною:

– Довольдо! Осадавде! Я больше де богу!

Услышав это, Двухцветный Питон, Скалистый Змей, бросился вниз со скалы, обмотался двойным узлом вокруг задних ног Слонёнка и сказал:

– О неопытный и легкомысленный путник! Мы должны понатужиться сколько возможно, ибо впечатление моё таково, что этот военный корабль с живым винтом и бронированной палу-

бой, – так величал он Крокодила, – хочет загубить твоё будущее...

Двуцветные Питоны, Скалистые Змеи, всегда выражаются так.

И вот тянет Змей, тянет Слонёнок, но тянет и Крокодил. Тянет, тянет, но так как Слонёнок и Двуцветный Питон, Скалистый Змей, тянут сильнее, то Крокодил в конце концов должен выпустить нос Слонёнка, и Крокодил отлетает назад с таким плеском, что слышно по всей Лимпопо.

А Слонёнок как стоял, так и сел и очень больно ударился, но всё же успел сказать Двуцветному Питону, Скалистому Змею, спасибо, а потом принялся ухаживать за своим вытянутым носом: обернул его холодноватыми листьями бананов и опустил в воду сонной, мутно-зелёной реки Лимпопо, чтобы он хоть немного остыл.

– К чему ты это делаешь? – сказал Двуцветный Питон, Скалистый Змей.

– Извините, пожалуйста, – сказал Слонёнок, – нос у меня потерял прежний вид, и я жду, чтобы он опять стал коротеньким.

– Долго же тебе придётся ждать, – сказал Двуцветный Питон, Скалистый Змей. – То-есть удивительно, до чего иные не понимают своей собственной выгоды!

Слонёнок просидел над водою три дня и всё поджидал, не станет ли нос у него короче. Однако нос не становился короче, и – мало того – из-за этого носа глаза у Слонёнка стали немного косыми.

Потому что, мой милый мальчик, ты, надеюсь, уже догадался, что Крокодил вытянул Слонёнку нос в самый заправдашный хобот – точь-в-точь такой, какие имеются у всех нынешних Слонов.

К концу третьего дня прилетела какая-то муха и ужалила Слонёнка в плечо, и он, сам не замечая, что делает, приподнял хобот и прихлопнул муху.

– Вот тебе и первая выгода! – сказал Двуцветный Питон, Скалистый Змей. – Ну, рассуди сам: мог бы ты сделать что-нибудь такое своим прежним булавочным носом? Кстати, не хочешь ли ты закусить?

И Слонёнок, сам не зная, как у него это вышло, потянулся хоботом к земле, сорвал добрый пучок травы, хлопнул им о передние ноги, чтобы стряхнуть с него пыль, и тотчас же сунул себе в рот.

– Вот тебе и вторая выгода! – сказал Двуцветный Питон, Скалистый Змей. – Попробовал бы ты проделать это своим прежним булавочным носом! Кстати, заметил ли ты, что солнце стало слишком припекать?

– Пожалуй, что и так! – сказал Слонёнок.

И, сам не зная, как у него это вышло, зачерпнул своим хоботом из сонной, зловонной, мутно-зелёной реки Лимпопо немного илу и шлёпнул его себе на голову; мокрый ил расквасился в лепёшку, и за уши Слонёнку потекли целые потоки воды.

– Вот тебе третья выгода! – сказал Двуцветный Питон, Скалистый Змей. – Попробовал бы ты проделать это своим прежним булавочным носом! И, кстати, что ты теперь думаешь насчёт туманов?

– Извините, пожалуйста, – сказал Слонёнок, – но я, право, не люблю туманов.

– А вздуть кого-нибудь другого? – сказал Двуцветный Питон, Скалистый Змей.

– Это я с радостью! – сказал Слонёнок.

– Ты ещё не знаешь своего носа! – сказал Двуцветный Питон, Скалистый Змей. – Это просто клад, а не нос. Вздует кого угодно.

– Благодарю вас, – сказал Слонёнок, – я приму это к сведению. А теперь мне пора домой. Я пойду к милым родичам и проверю мой нос.

И пошёл Слонёнок по Африке, забавляясь и помахивая хоботом.

Захочется ему фруктов – он срывает их прямо с дерева, а не стоит и не ждёт, как прежде, чтобы они свалились на землю. Захочется ему травки – он рвёт её прямо с земли, а не бухается на колени, как бывало. Мухи докучают ему – он сорвёт с дерева ветку и машет ею, как веером. Припекает солнце – он опустит свой хобот в реку, и вот на голове у него холодная, мокрая нашлёпка. Скучно ему одному шататься без дела по Африке – он играет хоботом песни, и хобот у него куда звончее сотни медных труб.

Он нарочно свернул с дороги, чтобы разыскать толстуху Бегемотиху (она даже не была его родственницей), хорошенько отколотить её и проверить, правду ли сказал ему Двуцветный Питон, Скалистый Змей, про его новый нос. Поколотив Бегемотиху, он пошёл по прежней дороге и под-

бирал с земли те дынные корки, которые разбрасывал по пути к Лимпопо, – потому что он был Чистоплотным Толстокожим.

Стало уже темно, когда в один прекрасный вечер он пришёл домой к своим милым родственникам. Он свернул хобот в кольцо и сказал:

– Здравствуйте! Как поживаете?

Они страшно обрадовались ему и сейчас же в один голос сказали:

– Поди-ка, поди-ка сюда, мы дадим тебе тумачов за несносное твоё любопытство!

– Эх, вы! – сказал Слонёнок. – Много смыслите вы в тумачах! Вот я в этом деле понимаю. Хотите, покажу?

И он развернул свой хобот, и тотчас же два его милых братца полетели от него вверх тор-машками.

– Клянёмся бананами! – закричали они. – Где это ты так наострился и что у тебя с носом?

– Этот нос у меня новый, и дал мне его Крокодил на сонной, зловонной, мутно-зелёной реке Лимпопо, – сказал Слонёнок. – Я завёл с ним разговор о том, что он кушает за обедом, и он подарил мне на память новый нос.

– Безобразный нос! – сказал волосатый, мохнатый дядя Павлиан.

– Пожалуй, – сказал Слонёнок. – Но полезный!

И он схватил волосатого дядю Павлиана за волосатую ногу и, раскачав, закинул в осиное гнездо.

И так разошёлся этот недобрый Слонёнок, что отколотил всех до одного своих милых родных. Бил он их, бил, так что им жарко стало, и они посмотрели на него с изумлением. Он выдернул у долговязой тётки Страусихи чуть не все её перья из хвоста; он ухватил длинноногого дядю Жирафа за заднюю ногу и поволок его по колючим терновым кустам; он разбудил громким криком свою толстую тётку Бегемотиху, когда она спала после обеда, и стал пускать ей прямо в ухо пузыри, но никому не позволял обижать птичку Колоколо.

Дело дошло до того, что все его родичи – кто раньше, кто позже – отправились к сонной, зловонной, мутно-зелёной реке Лимпопо, окружённой деревьями, нагоняющими на всех лихорадку, чтобы и им подарил Крокодил по такому же носу.

Вернувшись, никто уже больше не давал тумачов никому, и с той поры, мой мальчик, у всех Слонов, которых ты когда-нибудь увидишь, да и у тех, которых ты никогда не увидишь, у всех совершенно такой самый хобот, как у этого любопытного Слонёнка.

*Есть у меня шестёрка слуг,
Проворных, удалых,
И всё, что вижу я вокруг, –
Всё знаю я от них.*

*Они по знаку моему
Являются в нужде.
Зовут их: Как и Почему,
Кто, Что, Когда и Где.*

*Я по морям и по лесам
Гоняю верных слуг.
Потом работаю я сам,
А им даю досуг.*

*Я по утрам, когда встаю,
Всегда берусь за труд,
А им свободу я даю –
Пускай едят и пьют.*

*Но у меня есть милый друг,
Особа юных лет.
Ей служат сотни тысяч слуг –
И всем покоя нет.*

*Она гоняет, как собак,
В ненастье, дождь и тьму
Пять тысяч Где, семь тысяч Как,
Сто тысяч Почему!*

